

ПРОЗОПОПЕЯ У ПУШКИНА

Прозопопея, частный вид метафоры (от греческого πρόσωπον — лицо, личность, persona, и ποιέω — делаю, facio), как показывает этимологическое осмысление этого слова, — то же, что олицетворение, персонификация. Другими словами, прозопопея означает наделение неодушевленного предмета или понятия признаками и свойствами, присущими предмету одушевленному. Старая русская теория словесности, несколько расширяя понятие прозопопеи, для обозначения этого явления, пользовалась иногда термином *з а и м о с л о в и е*¹.

Генетически происхождение прозопопеи коренится в склонности первобытного человека к анимизму и в свойствах его мифологического мышления. Впоследствии прозопопея, в большинстве случаев, как и любая метафора, стала чисто стилистическим приемом, однако не всегда: новейшая поэзия романтиков и символистов, философское мироощущение поэтов-пантеистов в ряде случаев свидетельствуют о том, что изображение у них природы, как одухотворенного космоса, являлось не столько поэтическим приемом, сколько результатом живого ощущения одушевленности вещного мира.

Но теоретик литературы вправе игнорировать те психологические и мировоззрительные основания, которые кроются за тем или иным поэтическим выражением, тем более, что у него нет достаточного критерия для разграничения условного стилистического приема от того, что может быть названо непосредственным выражением мировоззрения или мироощущения поэта.

Что касается прозопопеи, в основе которой лежит олицетворение отвлеченных понятий, то она, несомненно, является всецело стилистическим приемом, близким к аллегории и эмблеме. Ее словесное оформление тесно связано с живописными и пластическими иллюстрациями таких понятий. Прием этот преимущественно характеризует литературу классического стиля,

¹ О с т о л о п о в. Словарь древней и новой поэзии, ч. 2, стр. 5—6.

охотно олицетворявшую злобу, порок, вражду, добродетель и т. д. В частности, русская литература XVII—XVIII веков дает немало образов такого рода олицетворений отвлеченных понятий. Олицетворение же неодушевленной природы является столь широко распространенным приемом, что оно выходит за пределы какого-либо одного стиля. У Пушкина мы встречаем его в традиционной форме уже в ранних, лидейских стихотворениях.

Для нас оно имеет в данном случае второстепенное значение, так как наблюдение его не приводит ни к каким существенным принципиальным выводам. Отметим лишь один поэтический образ из стихов 1814 г. «Кольна» по связи его с традицией XVIII века:

Денница красная выводит
Златое утро в небеса...

Этот образ Пушкин варьировал в главе V «Онегина»:

Но вот багряною рукою
Заря от утренних долин
Выводит с солнцем за собою
Веселый праздник именин... —

оговорив тут же, что это пародия известных стихов Ломоносова:

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою...

Такое же пародирование державинского описания зимы в «Осени во время осады Очакова» нетрудно усмотреть в картине зимы, нарисованной в главе VII «Онегина»: «Вот север, тучи нагоняя...» и т. д.

Особенно богат олицетворениями природы «Медный Всадник». Он так густо насыщен ими, как ни одно произведение Пушкина. Нева, Петербург, ветер, буря, наконец, сама фигура Медного Всадника персонифицируются на протяжении всей повести. В результате — грандиозность и монументальность стиля, роднящие пушкинскую повесть с поэмами классического стиля. Недаром, говоря о «Медном Всаднике», Белинский заметил: «Картина наводнения написана у Пушкина красками, которые ценою жизни готов бы был купить поэт прошлого века, помещавшийся на мысли написать эпическую поэму «Потоп»... Здесь прозаопопя очень часто усиливается сравнением вроде:

Злые волны,
Как воры, лезут в окна... и др.

Тот же прием несколько раз встречается в «Полтаве», затем в «Евгении Онегине», «Пире во время чумы», стих. «Кавказ» и «Вновь я посетил...». Но в творчестве Пушкина очень большое место занимает и другой вид прозопоеи, олицетворяющей абстрактные, отвлеченные понятия. Такая прозопоея проходит через все его творчество, от ранних опытов до зрелых произведений. Вот наиболее характерные, почти исчерпывающие ее образцы:

Молчанье — враг веселья
И скука на часах.

(«К сестре». 1814).

Тебе во след толпятся смехи...

(«К молодой актрисе». 1814—1815).

И ваши чела обвивал
Веселый, смехов рой шумливой...

(«Моему Аристарху». 1815) ¹.

И взором гибели сверкая,
Бледнеющий Мятаж на палубе сидит... ².

(«Наполеон на Эльбе». 1815).

И с ромом двери на замок
Запрет веселье молодое...

(«Галичу». 1815).

Слетают резвою толпой
Крылатые мечтанья...

(«Мечтатель». 1815).

Мечта знакомая вокруг меня летает...

(«Погагло дневное светило». 1820).

¹ Очень показательно, что в переделке стихотворения, относящейся к 1825 г., это старомодное олицетворение устранено путем небольшой замены:

И ваши чела обвивал
Детей Пафосских рой шумливой...

² Эпитет «бледный» в соединении с другими отвлеченными предметами фигурирует у Пушкина еще в следующих случаях: «бледной зависти предмет неколебимый» — в послании «К Жуковскому» (1817). «Торгуя совестью пред бледной нищетой» — в восьмом «Подражании Корану». «Пожатки бледной нищеты» — в «Медном Всаднике». (Ср. у Хераскова в первой песне «Россиады»: «Простерся бледный страх по селам и градам» и в четвертой песне: «Так дремлет бледный страх, на гробе возлегая»; у Державина в «Оде на смерть кн. Мещерского»: «И бледна смерть на всех глядит» и в «Жизни Званской»: «Прогонишь бледну зависть в бездны».)

И муза верная со мной;
Хвала тебе, богиня!
Тобою красен домик мой
И дикая пустыня.
На слабом утре дней златых
Певца ты осенила,
Венком из миртов молодых
Чело его покрыла.
И, горним светом озарясь,
Влетала в скромну келью
И чуть дышала, преклонясь
Над детской колыбелью...

(Там же).

В элегии «Погасло дневное светило» (1820) поэт говорит о нежных музах, которые ему тайно улыбались. В стих. «Муза» (1821) муза олицетворяется Пушкиным в образе «девы тайной», вручившей поэту семистольную цевницу, с улыбкой внимающей его песням и оживляющей свирель своим божественным дыханием. В стихотворении «19 октября 1825 г.», обращаясь к Дельвигу, Пушкин говорит: «С младенчества две музы к нам летали, и сладок был их лаской наш удел». В «Домике в Коломне» Пушкин обращается уже к своей музе запросто, фамильярно:

Усядья, муза; ручки в рукава,
Под лавку ножки! Не вертись, резвушка!

Другие образцы пушкинской прозопопеи этого рода:

Теперь, когда в покое лень,
Укрыл меня в пустыню сень,
Своею цепью чувства вяжет...

(«Послание к Юдину». 1815).

Вдали нахмуренных забот
И той волшебницы лукавой,
Которая весь мир вертит,
В трубу немолчную гремит,
И — помнится — зовется славой,
Живу с природной простотой...

(Там же).

И ветхую главу Европа преклонила...

(«На возвращение государя императора из Парижа». 1815).

И Франция, добыча славы,
Плененный устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор...

(«Наполеон». 1821) ¹.

¹ Ср. Х е р а с к о в: «Чело венчанное Россия подняла»... «Россиада», XII.

И смерть хватала их холодной рукой...
(«На возвращение государя императора»).

Напрасно чудится мне смерти завыванье...
(«Наполеон на Эльбе». 1815).

Позднее олицетворение смерти у Пушкина выражалось так:

Я видел смерть: она сидела
У тихого порога моего...
(«Элегия». 1816).

Уж, смерть являлась за тобой
В дверях сеней твоих хрустальных.
Она, как втершийся с утра
Завмодавец терпеливый,
Торча в передней молчаливой,
Не трогалась с ковра.
(«На выздоровление Лукулла». 1835).

Абстрактная смерть иногда заменяется у Пушкина более конкретным образом зевающего гроба или могилы:

И всех вас гроб, зевая, ждет...
(«Сцена из Фауста». 1826).

Могильной пропасти она не слышит зева...
(«Осенью». 1830).

Могилы слизкие, зевающие тут,
Которые жильцов к себе на утро ждут.
(«Когда за городом»... 1836).

Ср. образы смерти у Ломоносова:

Там смерть меж Готфскими полками
Бежит, ярьась, из строя в строй,
И алчну челюсть отверзает
И ладны руки простирает...
(«Ода на прибытие Елиз. Петровны из Москвы в Петербург в 1742 г.»)

Там мрак божественного гневу
Подвергнул грады и полки
На жертву алчной смерти зеву,
Терзанию ладных руки...
(«Ода Елиз. Петр. на день ее рожд. 18 дек. 1757 г.»).

И у Державина:

Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечет.
(«На смерть кн. Мещерского»)

Приходит смерть к нему, как тать,
И жизнь внезапно похищает...

(Там же).

И бледна смерть на всех глядит
.
И точит лезвие косы.

(Там же).

Возвращаемся к Пушкину:

И старость выбелит усы.

(«Усы». 1816).

И брань погибельным крылом
Не мчится грозно над вселенной...

(«К принцу Оранскому». 1816).

Златые крылья развевая,
Волшебной нежной красотой
Любовь явилась молодая
И полетела предо мной...

(«Наслаждение». 1816).

И дружество зевало,
И сонные стихи в просонках величало.

(«А. А. Шишкову». 1816).

На сцену возведя зевающую музу...

(«К Жуковскому». 1817).

Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее тащится по браздам
Неумолимого владельца...

(«Деревня». 1819).

Ты там на шумных вечерах
Увидишь важное безделье.
Жеманство в тонких кружевах,
И глупость в золотых очках,
И тучной знатности похмелье,
И скуку с картами в руках...

(«Н. В. Всеволожскому». 1819).

Где дремлет меч закона...

(«Кинжал». 1821).

Главой поник закон ...

(Там же).

Исчадые мятежей подымлет злобный крик...

(Там же).

Над трупом Вольности безглавой
Пагач уродливый возник...

(Там же).

Ящик седой, — седое Время, —
Везет, не слезет с облучка...
(«Телега жизни». 1823).

А время гонит лошадей...
(Там же).

Так на продажную красу,
Насытась ею торопливо,
Разврат косится боязливо...
(«Сцена из Фауста». 1826).

Но старость ходит осторожно
И подозрительно глядит:
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдруг она решит...
(«Полтава»).

Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней..
(«Герой». 1830).

Блеснет любовь улыбкою прощальной...
(«Элегия». 1830).

Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За ним гналася в шумном свете,
Поймала, за ворот взяла
И в темный угол завела.
(«Евгений Онегин», глава VIII, строфа XXXIV).

Монолог «Скупого рыцаря» обильно насыщен такими олицетворениями абстрактных понятий:

И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработится,
И добродетель, и бессонный труд .
Смиренно будут ждать моей награды.
Я свистну — и ко мне послушно, робко
Вподзет окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.

Его же словами совесть характеризуется так:

Когтистый зверь, скребящий сердце...
Незванный гость, докучный собеседник,
Займодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц, и могилы
Смущаются и мертвых высылают!..

В монологе председателя из «Пира во время чумы» — персонализация зимы, ведущей с собой косматые дружины моро-

зов и снегов, и затем образ грозной чумы, намеченный раньше в стих. «Герой»:

Царица грозная, чума,
Теперь идет на нас сама,
И льстится жатвою богатой,
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой.

В стихотворениях, написанных после 1830 г., отметим следующие образцы рассматриваемого нами рода прозопопеи:

И бунт раздавленный умолк...
(«Бородинская годовщина». 1830).

Грех алчный гонится за мною по пятам.
(«Набросок». 1833).

Разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился.
(«19 октября 1836»).

Такое обилие у Пушкина олицетворений отвлеченных понятий очень показательно. Оно лишний раз подтверждает то положение, что Пушкин не только в раннюю пору, но и в пору своей поэтической зрелости не расставался с традициями классической поэтики. Попутно нами приводились кое-какие параллели из русских поэтов XVIII века к отдельным образцам пушкинской прозопопеи. Это количество примеров можно было бы сильно умножить, но ограничимся лишь несколькими иллюстрациями связи Пушкина в пользовании прозопопеей с поэтами XVIII века:

Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов с ругательством сбита...
(Кантемир, «К уму своему»).

Премудрость сядет в суд с тобою,
Изгонит лесь и ков с худюю...
(Ломоносов, «На день тезоим. в. кн. Петра Фед.»).

Храняща ненависть недремлющи глаза,
От Волги поднялась, как страшная гроза
(Херасков, «Россиада», песнь I).

Там лесь представилась в притворной красоте,
Котора во своей природной нагоде
Мрачна, как ночь, робка, покорна, тороплива,
Пред сильными низка, пред низким горделива,

Лежащая у ног владетелей земных,
Дабы служить им ко преткновенью их.
Смя, природну желчь преобразив во сладость,
В забавы вовлекла неосторожно младость...
(Там же).

Унынье, растрепав волосы, по граду ходит,
Потунив очи вниз, в отчаянье приводит,
Бьет себя во грудь, реками слезы льет...
(Там же).

И храбрость, на стенах вздремнувшая, проснулась,
На щит, на копие, на меч свой оглянулась...
(Там же, песнь II).

Злодейства землю потрясают,
Неправда зыблет небеса...
(Державин, «Властителям и судьям»).

Не может от души смятенной
И самый дарь отгнавь забот,
Толпящихся вокруг ворот...
(Державин, «Капнисту»).

Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал...
(Державин, «Видение Мурзы»).

И приголубливает счастье
И гладит нас рукой своей...
(Державин, «Приглашение к обеду»).

Приведенные примеры из русских поэтов XVIII века как будто убеждают нас в том, что пристрастие Пушкина к олицетворению абстрактных понятий скорее всего объясняется не воздействием на него, напр., Шекспира (оно имело место лишь в зрелую пору его творчества), а влиянием более длительной и значительно ранее захватившей поэта традиции классического стиля.

ПАМЯТИ
П. Н.
САКУЛИНА
СБОРНИК СТАТЕЙ

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
«НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ»
Москва—1931